

После полудня погода прояснилась, и выглянуло по-настоящему яркое солнце.

Воробьи, прятавшиеся по гнездам целых полмесяца, вылетели наружу и уселись на голых ветках, втянув шеи в густые перья и сонный вид.

— Взмах-вмах! — Уютных птишек спугнула проезжавшая мимо повозка. Встревоженно хлопая крыльями, они перелетели на ветку повыше и поотдадь, отчего на землю с дерева посыпался пушистый снег.

Повозка направлялась к военному лагерю в пригороде столицы. Колеса беспрестанно крутились, оставляя на тракте глубокие следы, которые исчезнут лишь тогда, когда их занесет новым снегом или размочит новыми колесами.

Внутри повозки ехали хозяин со слугой, а на маленькой жаровне парился котелок с кипятком, испуская горячий пар.

Прижав к груди грелку для рук, Чжао Су закрыл глаза, чтобы собраться с мыслями. Половина его лица, выглядывавшая из лисьего воротника, была остро очерчена, а щеки отливали болезненным румянцем, в котором не оставалось и следа юношеской удачи.

Слуга при нем достал белоснежную фарфоровую чашу, зачерпнул туда пол-ложки бледного, прозрачного, как золото, меда и плеснул кипятку — повозка тут же наполнилась свежим ароматом.

— Ванье, скоро приедем, сначала смочите горло, — тихо позвал слугу Чжао Су, уверенно поддерживая чашу обеими руками.

Чжао Су приподнял веки и искоса глянул на слугу. Увидев, что тот лукаво опустил брови и глаза, он с легким чувством скуки принял горячее питье; опустив взгляд, сделал маленький глоток. Сладковато-свежее тепло скользнуло по горлу, и преследовавшее всю дорогу сухое, зудящее ощущение холода в гортани наконец утихло.

Знатный господин допил чашу медовой воды, и повозка как раз прибыла к военному лагерю в пригороде столицы.

Стражники преградили путь повозке, и слуга по привычке спрыгнул на землю для разбирательства.

Узнав экипаж князя Ци, солдаты переглянулись с удивлением и любопытством на лицах. Их отношение мгновенно стало почтительным, но дорогу они не уступили и всё же спросили:

— Есть ли у вашего высочества князя Ци пропуск?

Слуга нахмурился, после чего попытался завести дружеский тон:

— Послушайте, братец, лицо у вас незнакомое, вы заступили на дежурство только в последние дни? Мой ванъе приезжал сюда всего пару дней назад, и мы впервые слышим, что нужен какой-то пропуск.

Солдат замялся, не договорив, посмотрел на непроницаемую карету и все же решился выставить вперед лицо:

— Такое правило ввел наш генерал сразу после своего возвращения — теперь пропуск нужен даже князю Ци, так что нам прикажете делать?

— Не усложняйте ему жизнь, попросите кого-нибудь доложить внутри, а я подожду здесь, — раздался из повозки спокойный голос Чжао Су.

Знающие люди в армии понимали: к кому угодно, но только не к князю Ци нельзя применять такие порядки. Однако приказ генерала был тверд как скала, и это ставило стражников в тупик.

Заметив колебания слуги, Янь Цзюнь подошел к ним, сложил руки в приветственном жесте и вернулся к повозке.

Услышав недовольство в голосе господина, Янь Цзюнь откликнулся, повернулся и уже хотел сунуть рядовому солдату ляэнт серебра, чтобы тот сбегал передать весть. Кто бы мог подумать, что этот солдатик, словно перед лицом смертельной опасности, испуганно замашет руками и отпрянет назад, наотрез отказавшись и брать деньги, и передавать слова господам.

В самый разгар их возни и препирательств со стороны лагеря появился человек. Поскольку Янь Цзюнь часто сопровождал князя Ци в лагерь, прибывший сразу же узнал его. Поняв, что князь Ци пожаловал снова, он озарил лицо радостной улыбкой и громко крикнул:

— Живо уберите рогатки! Пропустите князя Ци внутрь!

Тут же кто-то бросился отодвигать мешающие проезду заграждения.

Пользуясь тем, что солдаты открыли проход, Чжао Су приоткрыл плотно закрытое окошко:

— Благодарю вас, командир стражи Ван. А князь Наньчжэн сейчас в лагере?

Услышав, что князь до сих пор помнит какого-то мелкого командира, командир стражи Ван тут же почувствовал себя польщенным и с жаром ответил:

— Здесь, здесь! Генерал сейчас на плацу обучает конницу. Пусть ваша светлость князь Ци пока пройдет в покои генерала, а я пойду доложу ему!

Чжао Су издали кивнул, Янь Цзюнь задвинул окошко, кучер взмахнул хлыстом, и повозка покатила вглубь военного лагеря.

Стоило повозке князя Ци скрыться, как тот самый рядовой солдат испуганно засуетился:

— Командир, разве генерал не говорил, что без пропуска...

— Что говорил генерал? Разве князь Ци — это кто-то обычный?!

— Но... — Разве приказ генерала не затем и отдавался, чтобы остановить князя Ци?

— Какое еще но! — Командир Ван отвесил солдату затрещину по затылку. — Эх ты, парень, соображай быстрее. В следующий раз, когда прибудет князь Ци, сделай вид, что задерживаешь для приличия, а не то в другой раз...

А не то в другой раз генерал устроит тебе такую сладкую жизнь, что мало не покажется!

Сам он, Ван Эргуй, простоял у ворот лагеря целый год и лишь два месяца назад дослужился до командира стражи. Подобных приказов он слышал не меньше десятка раз.

Поначалу он честно и добросовестно задерживал князя Ци, но уже через несколько дней на кухне заявили, что рабочих рук не хватает, и его после изнурительных тренировок стали таскать туда на подсобные работы.

Дядя Ли из полевой кухни хоть и готовил отменно, но обладал прескверным нравом — за малейшую провинность, вроде просьбы передать соль, готов был обложить трехэтажным матом.

В армии никто не смел связываться с дядей Ли, да и вкусная еда не успевала приесться.

Но людей на кухне было более чем достаточно, с чего бы вдруг не хватать рабочих рук? Что-то здесь не чисто, явно крылся какой-то подвох!

Не понимая, за какие грехи его сослали на кухню, он лишь через несколько дней выпрашивания новостей у старых солдат за стиркой их вонючих носков сумел докопаться до истины. Оказалось, что приказ отдал лично доверенный человек генерала.

Старый солдат, видя его полнейшее недоумение, заставил выстирать вдобавок еще и пару

сапог, после чего снизошел до пары подсказок.

Когда Великий император в отставке поднимал восстание, ему было трудно уделять время жене и детям, поэтому Чжао Су с детских лет воспитывался в войсках князя Наньчжэн.

Все старые воины Южной армии помнили, как росли на их глазах Чжао Су, и прекрасно знали, как сильно князь Наньчжэн Жуань Чаоцин души не чает в мальчике. Он сам готов был питаться травой и корой с деревьев, лишь бы Чжао Су ни в чем не нуждался.

К несчастью, военная жизнь была сопряжена с постоянными скитаниями, и сытной еды не хватало. Чем старше становился Чжао Су, тем слабее делалось его здоровье, и он неделями лежал в беспамятстве от болезней.

Опасаясь, что мальчик не выдержит лишений, а также в самый разгар карательных походов против остатков войск прежней династии, Жуань Чаоцин скрепя сердце отправил Чжао Су обратно к Великому императору в отставке.

Однако не прошло и нескольких дней, как Чжао Су втайне вернулся в лагерь. К тому моменту, когда Жуань Чаоцин обнаружил его, парень едва дышал.

С тех пор приказы о запрете князю Ци появляться в лагере менялись по десять раз на дню, но Чжао Су все равно пробирался туда самыми разными путями.

Тяжелее всего приходилось солдатам на дозоре: ни исполнить долг по всей форме нельзя, ни сделать вид, что ничего не замечаешь, — отовсюду одни убытки. В итоге они просто стали устраивать себе ежедневные дополнительные тренировки, чтобы генералу не приходилось ломать голову над наказаниями.

Ныне остатки прежней династии были полностью истреблены, в Подмосковье воцарился мир. В прошлом году Великий император в отставке передал престол родному брату Чжао Су — Чжао Сую, а самому Чжао Су пожаловали титул князя и построили дворец. Освободившийся от прежних забот Жуань Чаоцин принял командование столичным лагерем. И хотя ему тоже даровали титул князя, не зависящего от императорского рода, подчиненные по привычке продолжали звать его генералом.

По идее, времена военных походов миновали, и визит князя Ци в лагерь должен был быть так же прост, как поход в собственный задний двор. Так думали все в армии, но никто не мог заглянуть в душу Жуань Чаоцину и понять, почему он оберегает Чжао Су от самого себя, точно от вора.

Но как бы тот ни оборонялся, дозорные солдаты при виде Чжао Су всё равно смотрели на него впологлаза. Новобранец, заступивший на дежурство сегодня, хоть и слышал о подвигах князя Ци, но всех тонкостей и запутанных интриг не ведал.

Не договорив, Ван Эргуй дал еще пару наставлений новобранцу и со всех ног бросился к плацу искать Жуань Чаоцина.

Что же до Чжао Су, то стоило ему на мгновение приоткрыть окно и вдохнуть морозного воздуха, как он снова не выдержал и зашелся в приступе кашля. Прижав к лицу бирюзовый платок, он глухо закашлял так истошно, что тишина в повозке вмиг растаяла без следа.

Янь Цзюнь привычным движением похлопал Чжао Су по спине, а когда тому стало легче, заварил еще одну чашу медовой воды.

Опустив взгляд и отпивая ароматную медовую воду, Чжао Су немного пришел в себя, но лицо его по-прежнему оставалось мрачнее тучи.

— Каков хитрец, этот пропуск! — наконец не выдержал гнева Чжао Су, презрительно хмыкнул и с размаху опустил чашу на низкий столик, так что раздался глухой стук.

— Ваше высочество, не гневайтесь так. Князь Наньчжэн только что вернулся после подавления разбойников, в лагере и впрямь следует усилить порядок.

Чжао Су искоса глянул на Янь Цзюня, вновь обрел непроницаемое, словно гладь колодца, выражение лица и решил больше не тратить слов.

Вскоре повозка подъехала к дому Жуань Чаоцина.

Стоило им выйти, как к ним подбежали солдаты и проводили в главный зал. Зал оказался не слишком просторным, пустым и почти без украшений — лишь несколько простеньких столов и стульев.

Подобная обстановка была им давно знакома. Чжао Су с невозмутимым видом уселся на почетное место для гостей, машинально постукивая указательным пальцем по грелке, которую держал в руках, охваченный скукой.

Он и впрямь страдал от холода: прошло совсем немного времени, а его изначально прохладные руки и ноги оледенели окончательно. Поданный стражниками жаровня мало чем помогла, впрочем, он приехал сюда не греться, и такую малость вытерпеть был вполне способен.

Спустя четверть часа кто-то наконец появился, но это оказался совсем не тот человек, которого он ждал.

— Ваше высочество, генерал сейчас очень занят и не может освободиться. Если у вас есть срочное дело, можете распоряжаться этим подчиненным.

Пришедшим оказался мужчина средних лет по имени Юй Шэн, военачальник легких колесниц четвертого ранга, верная правая и левая рука Жуань Чаоцина.

Черты лица у Юй Шэна были самыми обычными, но шрам, пересекавший его левую щеку, придавал ему свирепый вид. Сейчас, однако, на этом суровом лице читалось полнейшее смущение, что безо всяких причин сводило на нет любую угрозу.

— О? Только что слышал, будто князь Наньчжэн занят смотром конницы, видать, и впрямь решает важные дела.

Голос Чжао Су звучал неторопливо, но от его слов лицо Юй Шэна залилось краской стыда. Он чувствовал себя донельзя неловко, поймай его на лжи с поличным.

К счастью, Чжао Су вовсе не собирался настаивать на встрече с Жуань Чаоцином, и уголки его тонких губ дрогнули в подобии улыбки:

— У меня нет никаких срочных дел, поговорить с дядей Юем — всё равно что с самим генералом.

Убедившись, что отношение Чжао Су осталось прежним, теплым и доверчивым, Юй Шэн наконец вздохнул с облегчением.

В начале года его отправили на Южные рубежи, откуда он вернулся лишь месяц назад, а едва прибыв, сразу же отправился с Жуань Чаоцином подавлять бунт разбойников. Раньше Чжао Су тоже был с ним близок, но теперь тот получил титул и обзавелся собственным поместьем. Перед встречей Юй Шэн порядком волновался, не зная, как теперь держать себя с ним.

И чего только взбрело в голову Жуань Чаоцина — среди зимы вдруг срываться из столицы на подавление разбойников? Только что он сам со скуки гонялся за конницей, а теперь велел передать, что занят, и отправил его развлекать князя Ци.

Мысли генерала — что тебе глубина морская, ни за что не угадаешь.

После недолгой светской беседы Чжао Су перешел к делу:

— Приближается Новый год, я приготовил для воинов немного теплой одежды. Уповаю на дядю Юя, распорядитесь, чтобы люди забрали её.

— Тьфу ты, разве это в тягость? Мне в лагере всё равно делать нечего, я сам отведу людей! — Юй Шэн не стал отказываться и тут же дал согласие.

В начале зимы Чжао Су уже привозил партию теплой одежды, а нынешний подвоз явно

делался для того, чтобы семьи воинов смогли встретить праздник в достатке. Узнав, что вещи по-прежнему хранятся на прежнем складе, Юй Шэн и вовсе потерял покой — какое ему было дело до того, что там опять ломает комедию Жуань Чаоцин.

— Ах Лаянь, посиди пока здесь, я гляжу, генерал скоро управится, пойду позову его!

С этими словами, не дожидаясь ответа Чжао Су, Юй Шэн вихрем выскочил за дверь, на ходу отдавая приказ солдатам созвать людей для погрузки, а сам направился на плац искать Жуань Чаоцина.

Не успел Юй Шэн скрыться, как появился другой солдатик, пылающий энтузиазмом. Он заварил для Чжао Су пиалу чаю:

— Это я только что выпросил у дяди Ли с кухни, ваше высочество, отведайте!

Кроме дяди Ли, чаю в лагере никто не пил. Да и сам дядя Ли пил не изысканные сорта, а самый обычный крестьянский чай, который сам обжаривал по весне. В окрестностях столицы чайные деревья почти не росли, лишь изредка попадалось пару диких кустов — качество листа оставляло желать лучшего, особого вкуса не было, но жажду утолить удавалось.

Вместо чашек использовались солдатские пиалы. В военном лагере все были мужиками грубыми, ели шумно, будто в бой шли, и во всей кухне сыскать приличной чаши не представлялось возможным.

Хотя солдатик выбирал на кухне как можно тщательнее, на краю поданной Чжао Су пиалы всё равно красовался скол.

Пока Жуань Чаоцин медленно и лениво добирался до места, Чжао Су успел выпить уже больше половины чаинок.

Вынужденный столько времени ждать, Чжао Су теперь даже не достаивал Жуань Чаоцина взглядом, с каменным лицом отпивая из пиалы.

С чего это он раньше не замечал, что в чае столько осадка?

Заметив, как Чжао Су поморщился и попытался сделать еще глоток, отвернувшись от сколотого края, Жуань Чаоцин невольно потер нос:

— Кх-м... надо же, какая удачная встреча...

Едва договорив, Жуань Чаоцин готов был дать себе пощёчину. Уж коли не умеешь говорить — так помолчи!

Услышав это, Чжао Су отставил пиалу, и его продолговатые глаза феникса в упор уставились на Жуань Чаоцина, пронзая того насквозь.

— А у князя Наньчжэн и впрямь замашки знатной птицы!

<http://bllate.org/book/21017/2136590>